

В. Б. КРЫСЬКО

Глагол *подѣлится* в «Слове о полку Игореве»

В первом издании (далее П) и Екатерининской копии (далее Е) «Слова о полку Игореве» имеется фраза: «Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ» (Е, 43; П, 27).¹ Представленная здесь конструкция *заднюю ся сами подѣлимъ*, демонстрирующая соединение возвратного глагола *подѣлится* с винительным падежом прямого объекта, издавна вызвала сомнения и недоумение исследователей. М. А. Максимович в своем издании «Слова» заменил форму винительного падежа *заднюю* творительным падежом — *заднею*.² Эту конъектуру поддержали О. Огоновский³ и А. А. Потебня.⁴ По мнению Н. С. Тихонова,⁵ принятому современными издателями памятника,⁶ аккузативную форму возвратного элемента *ся* следовало бы заменить дативной — *си*: *заднюю си сами подѣлимъ*. А. И. Смирнов, утверждая, что «в сгоревшей рукописи было, несомненно, и *ся* и *заднюю*»,⁷ не привел никаких аргументов в пользу этого положения. Наконец, в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» зафиксированы два варианта глагольной формы: *подѣлится* «произвести дележ, раздел» и *подѣлити* «разделить на части, распределить между кем-л.».⁸

Единственным ученым, пытавшимся доказать правильность написания, наблюдаемого в двух реально дошедших до нас источниках текста «Слова», был А. В. Попов. В своих «Синтаксических исследованиях» он на широком сравнительно-историческом материале проанализировал индоевропейские глагольные конструкции с коммодальным значением (действие, совершаемое для себя, в свою пользу) и сделал вывод, что в более древних языковых формациях возвратные глаголы указанной семантики (или, иначе говоря, косвенно-возвратные глаголы) могли присоединять винительный падеж.⁹ Однако А. В. Попову удалось обнаружить только один пример подобного употребления в древнерусском языке — именно процитированную форму из «Слова о полку Игореве».

В последние годы появился ряд работ, подтверждающих широкое использование аккузатива при глаголах с косвенно-возвратным значением

¹ Цитаты из «Слова» приводятся по изданию: Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. 484 с.

² Максимович М. Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова // Украинаец. М., 1859. Кн. 1. С. 95.

³ Огоновский О. Слово о пълку Игоревѣ. Львов, 1876. С. 90.

⁴ Потебня А. А. Слово о полку Игореве: Текст и примечания // Филол. зап. Воронеж, 1878. Вып. 1. С. 100.

⁵ Тихонов Н. Слово о полку Игореве. М., 1868. С. 8.

⁶ См., например: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 21; Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 32 и др.

⁷ Смирнов А. И. О «Слове о полку Игореве» // Филол. зап. Воронеж, 1878. Вып. 4. С. 107.

⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1973. Вып. 4. С. 116—117.

⁹ Попов А. В. Синтаксические исследования. 1. Воронеж. 1881. С. 291.

в различных индоевропейских языках.¹⁰ В частности, И. А. Перельмутер отметил в древнегреческом языке сочетание *διενείμαντο τὴν ἀρχὴν* «поделили между собой (= поделились) власть», разительно напоминающее приведенную выше древнерусскую конструкцию, и с полным основанием определил его как косвенно-возвратную форму с взаимным значением.¹¹

Анализ многочисленных памятников русской письменности XI—XVIII вв. показывает, что на протяжении этого периода в русском языке функционировало около 100 переходных возвратных глаголов, представленных более чем 1000 употреблений.¹² Среди них выделяется и небольшая группа глаголов, выражающих раздел или обмен имущества: *подѣлится, помѣнится, промѣнится, раздѣлится, размѣнится* (всего около 20 аккузативных конструкций).

Наиболее ранний пример винительного падежа при глаголе *подѣлится* «поделить между собой в собственных интересах» зафиксирован как раз в «Слове о полку Игореве». Позиция *ся*, находящегося перед глаголом и отделенного от него словом *сами*, явно свидетельствует о том, что в этом примере сохранена конструкция протографа XII в., которому, судя по всему, была в значительной степени присуща подвижность *ся* (в тексте «Слова» — 10 примеров отдельной постановки *ся* из 34—36, ср. рядом с анализируемой формой: «А чи диво *ся* братіе стару помолодити?» — П, 27; «. . на ниче *ся* години обратиша» — Там же). Если бы сочетание возвратного глагола с винительным падежом было особенностью только позднего списка «Слова», т. е. инновацией XVI в., возвратный элемент, вероятно, непосредственно примыкал бы к глаголу (ср. столкновение древнерусской нормы с характерной для XV—XVI вв. тенденцией к слиянию глагола и *ся*¹³ в известном примере: «Вежи *ся* Половецкїи подвизашася» — П, 40). Сохранение первоначального управления обусловливалось наличием аналогичных конструкций в различных памятниках древне- и среднерусского периодов (летописях, деловых текстах).

Прежде всего винительный падеж отмечен при рассматриваемых глаголах в псковских, двинских и обонежских грамотах XIV—XVII вв., например: «. . .розменишася. . . землю на Комне Юрьвичину» — ГрП, 48; «. . .разделишася Василь з братомъ своимъ. . . животъ и отчину отца своего» — ГВНП, 310; «. . .раздилишася Иванъ Петровичъ съ Есипомъ Терентьевымъ сыномъ землю» — ГВНП, 191; «. . .разделилися есми. . . деревню свою» — ГКЭ 1, 657.

Параллельно с возвратными глаголами в текстах постоянно употребляются их невозвратные корреляты, ср.: «. . .роздилишася. . . Максимовы дѣти земли и воды» — ГВНП, 234; «А то роздѣлиша собѣ братенигѣ по жеребью» — Там же; «. . .роздѣлиша промежь себе. . . землю и села» — Там же, 277. По-видимому, именно существование многочисленных конструкций типа «невозвратный глагол + различные предложно-падежные формы возвратного местоимения + винительный падеж» способствовало возникновению и распространению синонимичных им сочетаний с возвратным элементом. Компонент *ся*, обладающий весьма широкой семантикой, вбирал в себя все вариации взаимно-возвратного и коммодального значений и мог успешно заменять при глаголе различные местоименные формы.

Промежуточную ступень между невозвратными и возвратными глаголами составляли формы с энклитическим местоимением *си*, еще не превра-

¹⁰ См.: Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. С. 118—121.

¹¹ Перельмутер И. А. Общиневропейский и греческий глагол: Видо-временные и залоговые категории. Л., 1977. С. 153—154.

¹² См.: Крысько В. Б. Транзитивность возвратных глаголов в русском языке XI—XVIII вв. // Вестн. ЛГУ. 1984. № 2. С. 80.

¹³ См.: Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952. С. 17, 33.

тившиеся в единые лексемы, подобные западно- и южнославянским и балтийским (например, чеш. koupit si, латыш. nopirkties — букв. «купить-себе»), но уже отличающиеся от глагольных сочетаний с ударными формами возвратного местоимения (типа *купити себѣ*).

Итак, процесс образования аккузативных возвратных конструкций можно представить следующим образом:

1) невозвратный глагол + винительный падеж (*раздѣлиста* по Днѣпру Русскую землю — ЛЛ, 149);

2) невозвратный глагол + дательный падеж возвратного местоимения (в полной либо краткой форме)¹⁴ + винительный падеж (*трупя себѣ дѣляче* — П, 17; *раздѣлиша себѣ землю* — ЛьвЛ, 39; *разделиста си землю* по Днѣпру — ЕрмЛ, 20); позднее появляются предложно-падежные формы (*епитимию его раздѣляху на ся* — МЛ, 10; *рухлядь воеводцкую по себѣ роздѣлили* — НикЛ, 179);

3) возвратный глагол (*ся*) + винительный падеж (*разделися* а по Днепру Русскую землю — ВПЛ, 41; НиканорЛ, 25; *раздѣлишася. . . землю* — ГВНП, 328).

Употребление переходных возвратных форм в памятниках XII—XIV вв. и наличие аналогичных конструкций в других индоевропейских языках позволяет предположить, что к началу письменной истории аккузативные сочетания с глаголами типа *подѣлитися* уже утвердились в русском языке.

В то же время следует учитывать и такое обстоятельство, как распространенность винительного падежа при глаголах, обозначающих перераспределение собственности, в том числе при возвратных глаголах со значением уступки,¹⁵ ср.: «. . . намъ бы тѣхъ городовъ и волостей *половину* великому князю Александру *отступитися*» — Пол. д. 390; «*тѣ бѣ есѣ города. . . поступилса* государю нашему» — Шв. д., 401. По всей видимости, переходность косвенно-возвратных глаголов с взаимным значением в текстах среднерусского периода поддерживалась уже не только их исконной способностью к соединению с винительным падежом, но и влиянием конструкций типа *поступитися вотчину*, ср.: «*променилъ и поступилса. . . половину* пожни» — ГКЭ 2, 231.

Самые поздние примеры винительного падежа при глаголе *подѣлитися* зафиксированы в калужских актах второй половины XVII в., причем в очень сходных контекстах, что указывает, вероятно, на лексикализацию отмирающей конструкции: «. . . *поделлился* мы. . . *животы свои и статки и дворы и лавки*» — А. калуж., 43; «. . . *поделился* я Корнѣй з братом своим. . . *животы свои и статки и двор* пополам» — Там же, 45, и т. д. Правда, в диалектном языке аккузативные сочетания с возвратными глаголами анализируемой группы сохраняются значительно дольше, о чем свидетельствуют отмеченные А. М. Селищевым в 1921 г. примеры из сибирских говоров, ср.: «. . . живот чаво был, *все разделилися*, только *портки* да *рубаху* не могым *разделитьсяя*».¹⁶

В целом рассмотренный материал дает основания утверждать, что конструкция из «Слова о полку Игореве» «*заднюю ся сами подѣлимъ*» отразила достаточно характерное как для древнерусского периода, так и для последующих этапов языкового развития использование винительного падежа при косвенно-возвратных глаголах с взаимным значением. Что же касается различных конъектур, предлагавшихся исследователями «Слова», то они, очевидно, не только противоречат общему показанию первого изда-

¹⁴ См.: Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963. С. 84.

¹⁵ Крысько В. Б. Транзитивные косвенно-возвратные глаголы в истории русского языка // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1984. С. 52.

¹⁶ Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири // Избр. тр. М., 1968. С. 289.

ния и Екатерининской копии, но и не учитывают своеобразие древнерусского грамматического строя, для которого переходность возвратных глаголов была совершенно естественна.

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- А. калуж. — Акты Калужские // Маркевич А. И. Калужские купцы Дехтеревы. Одесса, 1891.
- ВПЛ — Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- ГКЭ 1—2 — Сборник грамот Коллегии экономии. Пг.; Л., 1922—1929. Т. 1—2.
- ГрП — М а р а с и н о в а Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.
- ЕрмЛ — Ермолинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
- ЛьвЛ — Львовская летопись. Ч. 1 // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол.
- МЛ — Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
- НиканорЛ — Никаноровская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 27.
- НикЛ — Патриаршая, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 13.
- Пол. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1. (Сб. Рус. ист. о-ва; Т. 35).
- Шв. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. СПб., 1910. Т. 1. (Сб. Рус. ист. о-ва; Т. 129).